

К «Первому» без церемонии

Константина Эрнста поздравили коллеги, олигархи, супруги Юмашевы и Юрий Лужков

bosco-драйв

ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

Светский маховик Bosco-дома набирает обороты: в бывшем зале ожидания прошла пятичасовая олимпийская вечеринка «Первого канала». Впрочем, этот светский праздник можно считать празднованием дня рождения лишь одного, но чрезвычайно значительного лица — директора «Первого канала», человека, подарившего миру церемонию открытия XXII зимних Олимпийских игр в Сочи, Константина Эрнста. С подробностями — светский обозреватель «Коммерсантъ-BoscoSport» ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА.

Господин Эрнст пришел вторым на собственное торжество (начало в 20:00) с опозданием всего в 12 минут: колосса отечественного телевидения обошел телеведущий Дмитрий Нагиев, выделявшийся в ночи бicepsами и гигантской татуировкой в форме креста. Однако превосходная физическая форма господина Нагиева меркла на фоне того, как выглядел господин Эрнст: за минуту с момента окончания церемонии открытия день этот настрадавшийся в процессе олимпийского творчества человек помолодел лет эдак на тридцать. Сотрудники «Первого канала» (к столику с именинником и крестonosцем необычайно быстро прикnuил продюсер Юрий Аксюта) в ту ночь отчего-то отличались повышенной пунктуальностью: буквально через десять минут к праздничной группе присоединились такие заметные телевизионные персонажи, как Александр Файфман и Игорь Каменских. В VIP-лаунже Bosco-дома (а это часть бывшего зала ожидания) в настоящий момент установлены большие плазменные экраны, на которых весь вечер крутили трансляцию

Вечеринка «Первого канала» в Bosco-доме если и уступала церемонии открытия Игр по части спецэффектов, то совсем немного
ФОТО BOSCO MEDIA

церемонии открытия Олимпийских игр на стадионе «Фишт». Александр Файфман, одетый в несколько похоронный наряд (его чернейший минималистский костюм напоминал ранние произведения японского дизайнера Йодзи Ямамото), используя простую для понимания лексику, объяснял господину Каменских основы супрематизма. Вечеринка «Первого» была призвана стать едва ли не семейной: Константин Эрнст по телефону убеждал будущих гостей «приезжать в чем есть, здесь сойдут и десантные штаны». Однако гости приехали в спортивной форме Bosco Sport или же в гражданской одежде.

Главной музыкальной темой дня рождения Константина Эрнста стал выездной концерт участников известного шоу «Первого канала» «Голос». Еще раз стоит отметить свирепую пунктуальность юбиляра. Господин Эрнст (к которому уже успели присоединиться державшиеся на разном светском рассто-

янии музыкант Андрей Макаревич, шоумен Игорь Угольников и директор церемонии открытия Игр Андрей Насоновский) быстро прекратил бессмысленные посиделки в лаунж-зоне и пригласил всех, кто был, в смежный концертный зал (именно в этой точке разыгрываются сессии шоу «Вечерний Ургант»). Первым номером в программе лирических подношений Константину Эрнсту (ему к тому моменту уже успели подарить 70-сантиметрового медвежонка, целиком и полностью сотканного из белоснежных японских хризантем) стало выступление певца Сергея Волчкова. Этот красивый (антикварной красотой советского номенклатурного певца) молодой человек в тесном черном костюме исполнил знаменитую песню «О тебе, Москва!» и хит Муслима Магомаева «Синяя вечность». Надо сказать, что харизма господина Волчкова довольно велика: этот молодой человек настолько превосходно копирует стилистику экстрадных звезд эпох Никиты Сергеевича Хрущева и Леонида Ильича Брежнева, что после его ударной «Синей вечности» хочется сразу же отправиться на комсомольскую стройку какой-нибудь сибирской ГЭС. Но, увы, оча-

рование патриотического слова было разрушено следующей участницей программы «Голос», миниатюрной блондинкой с красивыми острыми коленками Еленой Максимовой. Госпожа Максимова выступила с песней из репертуара Далиды «Je Suis Malade». Этот гимн одинокой и страстно влюбленной женщины был странным образом частично переведен на русский язык. При этом французский язык госпожи Максимовой не отмечался чрезмерным знанием правил произношения и грамматики. Кроме того, из песни оказались выкинуты слова: знаменитые строки «Je bois toutes les nuits, mais tous les whiskies pour moi ont le meme gout...» в исполнении госпожи Максимовой не прозвучали. После этого происходящее на сцене временно перестало иметь значение (арена «Вечернего Урганта» превратилась в средним между сценой венецианского театра La Fenice и подмостками московского казино «Метелица» начала 1990-х).

В бывший зал ожидания Морского вокзала города Сочи медленно, но верно заходили тяжеловесы. В том числе и бывшие, и даже политические; и в зале было куда горячее, чем на сцене. Так, по своей любимой при-

Скорбь Скобрева

колесо обозрения

с1

— Только Крамер (голландец, выигравший «пятерку» и в Ванкувере, и в Сочи.— А. К.) подтвердил свое место,— продолжил Иван.— Кореец, который меня в Ванкувере обыграл, вообще в конце оказался.

— Может, проблема и в том, что в паре с тобой слабого новозеландца поставили?

— Это тоже,— быстро согласился Скобрев.

Ему хотелось, конечно, найти хоть какое-то приличное объяснение своему месту.

Но у него не получалось:

— Крамер-то тоже один бежал,— нашел в себе силы сказать Скобрев.— В общем, соплагательное наклонение сейчас не считается... (Он вспомнил, что в прошлом году на чемпионате мира выиграл бронзу.)

— Почему?!— спросил он себя, наверное, в тысячный раз за последние сутки. Можно объяснить, конечно, можно придумать, если хочешь придумать.

— А на самом деле?

— А на самом деле ничто не могло помешать! Только я сам себе мог помешать. Вот я и помешал.

Он все время говорил про себя в прошедшем времени. Как будто он уже не конькобежец больше, что ли.

— Еще же полторы тысячи метров есть и командная гонка...— осторожно сказал я ему.

— На «полutorке» шансы хорошие!— опять легко согласился он.

И, наверное, сразу пожалел: сплзлить, видимо, уже боялся.

— Хотя...— добавил он.— По-всякому может быть, да?

— День рождения то есть не состоялся,— констатировал я.

— Ну, пошли, посидели в ресторане,— сказал он.— В «Ас-отеле». С женой, с крестным. Губернатор Хабаровского края пришел. Он сказал, кстати, что вообще первый раз на

конькобежном стадионе... Там, в «Ас-отеле», все наши, хабаровские, живут...

— А дети?— поинтересовался я.

За 4 года после Ванкувера у него родились два сына.

— Дети в Москве, Ядвига (жена.— А. К.) Фильку привезет 15-го.

То есть в тот день, когда он побежит полтора километра. И вряд ли это просто совпадение. Похоже, что шанс и правда есть.

— Так что чисто поужинали... Все очень расстроенные сидели... Ванкувер вспоминали... мой бег с Фабрисом... как мы бодались—он впереди, потом я... я, он... А тут вся гонка в одиночку... и Дениска (Юсков.— А. К.) тоже сам бежал...

Я сказал ему, что эти четыре года были, конечно, полны всяких событий для него; так, в какой-то момент начали писать, что он попросил американского гражданства.

— Это не так было, наверное?— переспросил я.

— Конечно!— воскликнул он.— Проблема перевода. Наше информационное агентство перевело из американской газеты не то. Ну, я сказал американскому журналисту, что да, хочу иметь, конечно, документ, чтобы было проще ездить к родителям: они в Америке живут. — Так что речь все-таки шла про американский паспорт?— уточнил я.— Ты действительно сказал, что хотел бы получить американский паспорт?

— Ну а что такого?— пожал он плечами.— У Шараповой, что ли, нет американского паспорта? А у Андрея Кириленко, что ли, нет? У моих детей два паспорта. Ну да, тема-то щекотливая... Я очень много получил от Америки: пожил там, тренировался, не платил за многое, они сами давали... выиграл после этого первую медаль на юниорском чемпионате мира... — Но... но что?..

— Но говорить, что к Америке отношусь лучше, чем к России,— это глупость!— сказал он.

Скобрев прибавил громкости телевизору. Бежали конькобежки, и в какой-то момент наша, Юлия Скокова, оказалась первой.

— Это на время,— с сожалением сказал Скобрев.— Хотелось бы, конечно. Но тут у нас нет шансов. Только Ольга Граф могла бы... но вряд ли.

Ольга Граф все-таки взяла на этой дистанции бронзу, первую медаль российской сборной на олимпиаде.

— Так вот, можно же иметь два паспорта и при этом выступать не за Америку, а за Россию,— вернулся к этой истории Скобрев.— А потом— главное, как ты выступишь... Четыре года назад от меня медали не сильно ждали. А у меня и после Ванкувера все перло и перло, выходил и давал результат. И так хотелось и здесь. Подкашивает, что сейчас и именно здесь, в Сочи, это случилось... Я хотел, прежде всего, сам себе доказать, что могу добегать!..

Он опять возвращался к этой теме, хотя я уже откровенно хотел увести его от нее.

— Ты говорил, что удалось за последние четыре года денег заработать. И как удалось? Он не оживился.

— Я доказал, что и в коньках можно стать медийным человеком,— откровенно и даже простодушно сказал Иван.

Это все-таки был тот же самый Скобрев, что и четыре года назад. Он тогда поспорил со мной, что не изменится и что так же будет улыбаться, и что так же будут гореть глаза. Я говорил, что обязательно изменится.

Не изменился.

— Я оказался интересен людям как проект!— вдруг вымолвил он.— Проект, который несет не то что идеалы спорта—это было бы пафосно... А который движется в этом направлении. — А деньги-то как заработал?— переспросил я.

— Ну, у меня было очень хорошее соглашение, контракты с Вологодской областью, с «Северсталью»... Но потом губернатора Вологодской области, Позгалева, в Госдуму отправили, а новый губернатор к спорту своеобразно относится... С Мордашовым (главой «Северстали».— А. К.) трудно договориться... И я оказался с Хабаровским краем... У меня там родня, бабушка, дедушка... Меня сделали советником гу-

бернатора по спорту, и это работа, которая требует времени... Губернатор помог в решении контрактного вопроса...

— В общем, частно-государственное партнерство...

— Да-да.

— Да-да!— обрадовано подтвердил он.— Удалось выйти на средний контракт хорошего хоккеиста...

— Но это же не больше, чем Крамер зарабатывает?— спросил я.

— Ну! Крамер! У него до четырех миллионов евро в год!.. Конечно, не больше!.. Много не отложится...

Я опять обратил внимание на его коньки, лежавшие на полотенцах. Они не новые были.

— Второй год они у меня,— подтвердил Иван Скобрев.— Неплохо сидели...

— Сидели?— переспросил я.

Все-таки что-то он для себя, кажется, решил. И может, это не лучшее решение в его жизни.

— Сидят,— поправился он.— Ботинки нам по слепку ноги делают. На мини-заводике в Америке. Есть там один человек, у него есть слепок моей ноги, где-то раз в два года меняем ботинки... и без носков надеваем и едем! — И не стираются ноги?

— А не обо что стирать!— засмеялся он.— По ноге же сделаны! И у меня нога нетребовательная. У некоторых очень требовательная.

Мы вспомнили, как спорили, изменится ли он за четыре года.

— Главное изменение— то, что появились дети,— сказал Скобрев.— Это самое главное. Это колоссальный труд их воспитать, и все равно не знаешь, куда повернет... Вот на самом деле умеешь: а чего ты хочешь?

— Золота олимпийского,— не удержался я.

— А кроме этого? Гордиться хочешь ими. И вот воспитываешь. А Фил хулиган. Но быть его же не будешь, чтобы воспитать. Иногда думаешь: щас точно ему надо подзатыльник дать. Он обидится, но поймет...

вычке оставаясь неузнанным, прибыл российский олигарх Роман Абрамович (весь в чем-то кашемировом и сером). Буквально через несколько минут после господина Абрамовича приехали Татьяна и Валентин Юмашевы (знаменитая политическая пара отличалась парными теплыми сапогами австралийской марки UGG; бежевыми— у Татьяны и черными— у Валентина). Появление четы Юмашевых вызвало оживление у балерины Дианы Вишневой (в красном плюше, с золотым ридикюлем); родственников попригнетствовала и гламурный медиамагнат Полина Юмашева. Для столь дорогих гостей Константин Эрнст лично бросился обратно в VIP-лаунж и на своих руках вынес откуда большой диван (такая операция действительно была жизненно необходима: концертный зал был переполнен).

На вечеринку (на сцене разворачивались певцы программы «Голос», эксплуатирующие итальянскую любовную лирику и песни Боба Марли и Фредди Меркьюри) подъезжали актеры, режиссеры, иные разнообразные творческие люди, чиновники и бизнесмены: Денис Мацуев, Валерий Гергиев, Денис Евстигнеев, Юрий Башмет, Сергей Капков, Яна Рудковская с черной лаковой крокодиловой сумкой Birkin Hermes (сумочка имела самый маленький размер из всех возможных), Игорь Левитин, Андрей Малахов и Наталья Синдеева, Шамиль Тарпищев и Вячеслав Фетисов, Борис Титов и Павел Лунгин. Позднее к ним прикнули еще накануне полюбившие теплую и вкусную обстановку Bosco-дома управделами президента РФ Владимир Кожин (по-прежнему в красной куртке Bosco Sport), бывший руководитель Олимпийского комитета России Леонид Тягачев (в обычной спортивной экипировке) и бизнесмен Давид Якобашвили (в бесценном итальянском кашемире).

Но истинной звездой (если не сказать «настоящей кометой») вечера «Первого канала» стал бывший мэр Москвы Юрий Лужков. Юрий Лужков, которого уже много лет не видели в большом свете, появился на вечере внезапно, по-рабочему, из-за какой-то записки. Он был в своей любимой кожаной кепке. В просторной куртке. В рабочих брюках и синем свитере. С паспортом болельщика. С женой Еленой Батуриной.

Остается сказать, что в рамках той же вечеринки состоялось и историческое знакомство Юрия Лужкова с нынешним руководителем культурного департамента Москвы, покровителем всех хипстеров и велосипедистов Сергеем Капковым. Их представил друг другу телеведущий Иван Ургант. Эту встречу даже трудно назвать знакомством двух разных поколений. Наверное, это была встреча двух фантастических российских эпох, пусть и в рамках одного хозяйствующего субъекта.

—И прости... — Или не прости. Или я не прощу себе.

Когда я дома, я с ним справляюсь. Я, понимаешь, могу его заинтересовать. Турник у нас есть. Кто-то мозаику складывает в его возрасте, а ему лучше два часа в бассейне поплавать.

— А говорил с ним уже про вчерашний забег? Он же, наверное, смотрел.

— Нет,— покачал головой Скобрев.— Про этот позор мы с ним еще не разговаривали. Вот если честно: перед ним стыдно. Смотри, что он мне по скайпу говорил перед стартом.

Он достал мобильный телефон. «Я тебя люблю»,— говорила ему такая же, как он, белокурая bestия.

— Правда, хотел с ним подняться на пьедестал?

— Хотел,— сказал Скобрев.— Очень хотел. Но для этого должен быть пьедестал. А так— некуда подниматься.

— И не с кем,— сказал я.— Все-таки он пока в Москве.

— И незачем, да?— нервно засмеялся он.

— Этого я не говорил!

— Знаешь,— сказал Иван Скобрев,— болельщики когда-нибудь разойдутся. А он останется.

И то верно.